

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511, 143'366+811, 511.131'366(045)

А. П. Гуськова

К ВОПРОСУ О СУБСТАНТИВАЦИИ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

С активизацией интереса исследователей к теории переходности в системе частей речи и оценке субстантивации как сложного и многогранного лингвистического явления указанная категория получает более широкое толкование.

В статье для сопоставления субстантивации в системе частей речи избраны такие разноструктурные языки, как венгерский и русский. Комплексное и сопоставительное исследование процесса перехода частей речи в имена существительные позволяет глубже изучить структуру каждого из этих языков, а также выявить типологические схождения и расхождения между ними. Научная новизна подобного исследования заключается в том, что материал этих языков ещё не рассматривался и не анализировался под данным углом зрения.

Проведён сопоставительный анализ семантических моделей субстантиватов, определены разновидности их перехода в имена существительные, описаны структурные и функционально-стилистические особенности. Цель, поставленная автором, – представить лингвистическую природу субстантивации прилагательных и причастий, глаголов и отглагольных образований, числительных, наречий и междометий, выявить специфические и универсальные особенности, обусловленные типологическими различиями исследуемых языков. Реализация этой цели связана с решением ряда конкретных задач: необходимо определить место субстантивации в системе словообразования венгерского и русского языков и установить степень тождественности субстантивации и конверсии как одного из продуктивных способов словообразования в сравниваемых языках; вычленив семантические модели субстантиватов и провести их сопоставительный анализ; охарактеризовать модели узуальной (языковой) и окказиональной (речевой) субстантивации в сопоставительном плане, определить продуктивность этих моделей; провести анализ структурного плана: показать особенности грамматического построения субстантиватов в венгерском и русском языках, выявить схождения и расхождения между ними, а также найти адекватные модели. Материалом для исследования послужили данные корпуса словарей венгерского и русского языков, примеры из художественных текстов, живой речи и, не в последнюю очередь, пословицы и поговорки.

Теоретическая значимость работы заключается в следующем: 1) она вносит определённый вклад в развитие положений теории переходности, т. к. в её рамках осуществлено изучение транспозиции двух разносистемных языков на основе сопоставительного анализа субстантиватов в грамматическом, семантическом и функциональном аспектах; 2) в ней на материале разноструктурных языков определяются основные условия системного осуществления частеречной транспозиции и выявляются её универсальные и специфические особенности; 3) впервые с теоретической точки зрения исследуется проблема транспозиции частей речи венгерского и русского языков (на примере перехода в имя существительное других частей речи); 4) выработана методика комплексного подхода к исследованию субстантивации в сравниваемых языках, которая может быть использована при описании данного явления в других разноструктурных языках.

Ключевые слова: конверсия, морфологическая транспозиция, разноструктурные языки, семантическая модель, синтаксическая транспозиция, субстантиват, субстантивация, части речи.

Введение

Изменение функции слова в речи, появление у него новых грамматических свойств, возникновение новых связей с другими словами и утеря старых создают условия для перехода частей речи. Переходные явления можно рассматривать как специальный механизм, участвующий в процессе речепроизводства и предохраняющий язык от перегрузки лексическим материалом. Они расширяют номинативный потенциал языка, переосмысляя его единицы, делая способы выражения более разнообразными [Гак 2004, 110]. Обычно такие явления, суть которых составляет употребление слова в функции другой части речи, обозначают термином транспозиция. Однако в современной лингвистической литературе этот процесс перекатегоризации языковых единиц толкуется по-разному. Ещё Ш. Балли, придававший большое значение транспозиции в функционировании языка и представлявший её как перевод знака из одной категории в другую, отмечал: «Замкнутые в своих основных категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается и выражение обогащается и получает различные оттенки» [Балли 1955, 143].

Разрабатывая теорию транспозиции во французской грамматике, В. Г. Гак сужает понятие транспозиции и включает в него только функциональную транспозицию, под которой подразумевает приспособление слова для выполнения функции иной части речи [Гак 2004, 110]. В некоторых исследованиях используется термин переходность, который обозначает переход языковых единиц из одной части речи в другую [Бабайцева 2000, 11].

Учитывая тот факт, что на современном этапе развития лингвистической науки понятие транспозиции не получает однозначного толкования, Л. А. Телегин счёл целесообразным рассматривать её как сложный, многогранный механизм, определяющий взаимодействие номинативных единиц языка. Согласно его концепции, транспозиция представляет собой структуру, элементы которой участвуют в процессе речепроизводства и поэтому могут рассматриваться как единство трёх планов: плана содержания, плана выражения и плана функционирования [Телегин 1992, 3].

Ряд языковедов, например, Е. С. Кубрякова, под транспозицией понимает способ словопроизводства, посредством которого производная лексема получает словообразовательные элементы, таким образом выражает значение другой части речи с помощью аффиксации. Что касается вопроса о формах и типах транспозиции, то суффиксальное словопроизводство она считает известной формой транспозиции на уровне слова. Однако транспозиция, по её утверждению, существует и при других разновидностях словообразования [Кубрякова 1974, 64]. «Целесообразно различать транспозицию морфологическую, результатом которой (или проявлением которой) оказывается полное изменение морфологического окружения исходной основы, транспозицию синтаксическую, результатом которой является изменение синтаксической функции исходной единицы без полного изменения её морфологического окружения типа русск. *больной, смелый, бедный*». К морфологической транспозиции, имеющей словообразовательный характер, Е. С. Кубрякова причисляет конверсию, которую она представляет как средство транспозиции, называя её безаффиксальной морфологической транспозицией [Там же, 75].

В. Г. Гак также выделяет два типа функциональной транспозиции: морфологическую, при которой слово (основа) переходит в другую часть речи так, что формируется новое слово; синтаксическую, при которой слово выполняет функцию другой части речи, не переходя морфологически в эту часть речи [Гак 2004, 111].

Особенности транспозиции в мордовских языках рассматривал Д. В. Цыганкин, различая транспозицию морфологическую и синтаксическую. В первом случае основа без изменения становится членом иной парадигмы, во втором случае основа переходит в другую лексикограмматическую категорию благодаря изменению синтаксической функции, но при этом сохраняет своё морфологическое окружение [Цыганкин 2013, 178–179].

А. А. Кизюкевич считает, что транспозиция «функционально объединяется со способом аффиксации, восполняя его недостаточность», а преимуществом транспозиции является то, что в ходе этого процесса «материально слово не образуется» [Кизюкевич 1990, 168].

При этом следует иметь в виду, что транспозиционные возможности разных классов слов в сравниваемых языках неодинаковы. Кроме того, во многих исследованиях проводится мысль о том, что в разных языках для передачи одних и тех же семантических отношений может использоваться конверсия разных структурных типов [см., например, Кубрякова 1974, 75]. Это особенно актуально для сопоставительных работ, исследующих транспозицию на примере разноструктурных языков.

Субстантивация же, несмотря на сложность этого лингвистического явления, в отечественном языкознании имеет более единообразное толкование. Ограничимся формулировкой О. С. Ахмановой, согласно которой субстантивация – это «переход в разряд имён существительных из другой части речи вследствие приобретённой способности непосредственно указывать на предмет (а не только через его признак и т. п.)» [Ахманова 1969, 460].

В зависимости от особенностей употребления, функционирования в речи в отечественной лингвистике выделяется полная (узуальная), окказиональная и эллиптическая субстантивации [Гайнутдинова 2011, 11–12]. Иными словами, в лингвистической литературе субстантивация рассматривается как в языковом (узуальная), так и в функциональном (окказиональная) аспектах. Узуальная и окказиональная субстантивации могут быть противопоставлены как системно-языковое и речевое явления. Узуальной субстантивации в сравниваемых языках подвержены в основном прилагательные и причастия, а окказиональной – числительные и местоимения. Узуальная субстантивация охватывает определённый круг грамматических форм. В венгерском языке это слова типа *fiatal* – *молодой*, *károsult* – *пострадавший*, *sánta* – *хромой*, в русском – слова прилагательного склонения (прилагательные, причастия, местоимения, порядковые числительные), окказиональная же субстантивация распространяется практически на любые языковые единицы. Для разделения субстантивации на узуальную и окказиональную необходимо учитывать грамматическую природу и семантическую структуру субстантивированного слова. Окказиональные единицы речи – реально существующие слова, созданные в речевой ситуации. Они имеют яркую эмоциональную окраску и употребляются в разговорном стиле речи, например, *görbelábú* – *кривоногий*, *őrült* – *сумасшедший*. При эллипсисе двучленное выражение значения предмета и его признака заменяется однословным выражением. Когда в речи сочетание прилагательное (причастие, числительное, местоимение) + существительное становится привычным, употребление существительного при нём становится необязательным. Эллипсис можно объяснить необходимостью лаконичного изложения, экономией речевых средств, воспринимаемых как уход от избыточной информации: *orvosi* – *медицинский*, *tanárképző* – *педагогический*, *külkereskedelmi* – *внешнеторговый*. Подобные лексемы часто употребляются в виде аббревиатуры, типа *külker* – *внешнеторговый* [Bencédy и др. 1991, 166–168].

Говоря о причинах перехода слов в системе частей речи, целесообразно привести высказывание Д. А. Салимовой, которая утверждает, что способностью переходить из одной части речи в другую обладают не все слова. «Переходят из одной части речи в другую только такие слова, которые в процессе регулярного функционирования стали многозначными» [Салимова 2001, 10].

Прежде чем перейти к сопоставительному исследованию субстантиватов венгерского и русского языков, заметим, что в разряд существительных – основной части речи венгерского языка – попадают слова из других классов слов с ощутимой регулярностью. Этот процесс, в частности, препятствует установлению единообразной классификации частей речи, предпринимаемой венгерскими лингвистами. Однако, несмотря на это, в новейших грамматиках венгерского языка все их авторы причисляют существительные к основным полнозначным частям речи, которые включают в себя названия предметов и одушевлённых существ [Keszler 2000, 67–70; Kiefer 2006, 98–109].

Системно-языковая характеристика субстантиватов в венгерском и русском языках

Субстантивация как продуктивный способ словообразования является одним из типов конверсии в обоих языках. В венгерском языке наиболее развита субстантивация прилагательных, причастий, наречий и глаголов, возможна также субстантивация междометий и местоимений, в русском – прилагательных, причастий и местоимённых прилагательных. В целом в венгерском языке переход слов разных частей речи в класс существительных осуществляется значительно чаще, чем в русском. Субстантивация в образовании венгерских имён существительных занимает одно из ведущих мест. Особенно ощутимо пополнение разряда венгерских существительных словами, которые используются без какого-либо материального изменения, т. е. специальных словообразовательных средств. Речь идёт о непроемных частях речи типа *vak* – незрячий, слепой/слепец; *sötét* – тёмный/темнота, которые являют собой образец словообразовательной конверсии в чистом виде (ср. *look* – смотреть/взгляд; *play* – играть/игра в английском языке).

В предложении субстантивированные слова выполняют ту же синтаксическую функцию, что и имена существительные. Они приобретают и новые морфологические показатели, свойственные классу существительных, функции которого они перенимают: *fehér* [-et, -ek; -(j)e, -et] – белый; белое, белок. В частности, употребление венгерских артиклей перед субстантивированными словами в предложении подчиняется тем же правилам, что и их применение перед именами существительными: *A fehérben volt* – Она была в белом [Гуськова 2012, 55].

Поскольку субстантивация в венгерском языке – в противоположность русскому – практически охватывает все части речи и представлена широко, то при подборе эквивалентов венгерским субстантивированным единицам в русском языке приходится прибегать к весьма разнообразным средствам. Следует заметить, что, например, при эллипсисе, т. е. опущении части высказывания, в русском варианте пропущенный элемент может быть восстановлен (для передачи стиля, сохранения смысла высказывания и т. п.).

Венгерские и русские субстантивированные единицы обнаруживают сходство в семантике, которое проявляется в совпадении характерных стержневых моделей и основных семантико-тематических разрядов. Так, например, в обоих языках преобладают субстантиваты антропоцентрического характера, наподобие *járókelő, intéző* – управляющий, *vezető* – ведущий, *egyesek* – некоторые. Большую группу составляют субстантиваты, обозначающие предметы и отвлечённые понятия: *zakusocsná* – закусочная – *falatozó, nívna* – *söröző, (a) jelen* – настоящее и т. п. Российский хунгаролог К. Е. Майтинская предлагает рассматривать субстантивацию различных частей речи по значению образуемых существительных: 1) образование названий лиц; 2) образование названий животных; 3) образование названий предметов и отвлечённых понятий [Майтинская 1959, 203–206]. В настоящее время в обоих языках происходит расширение семантической классификации субстантиватов за счёт появления новых семантико-тематических групп (средства связи, компьютерный язык, язык деловых бумаг и др.), их пополнения новыми единицами: *zöldhasúak*, *сотовый* – *(a) mobil*, *правые* – *(a) jobboldaliak*, *бритоголовые* – *(a) bõrfejúek* и т. п. [Kugler 2017].

Определённую тождественность субстантиваты сравниваемых языков показывают и в структурном плане: в пределах одного семантико-тематического разряда они могут иметь аналогии и соответствовать при переводе однословной форме, например, *beteg* – больной, *ügyeletes* – дежурный, *puskás* – стрелок. Субстантиваты русского языка могут соответствовать венгерским однословным лексемам не только с простыми, но и сложными основами: *мировой* – *béke-biró* (две основы), *парная* – *gőz-fürdő* (две основы), *столовая* – *ebédlő-szoba* (две основы). Чрезвычайно широкое использование в транспозиционном процессе сложных имён, образованных путём присоединения первого компонента ко второму в своей исходной форме или слабо оформленным морфологически, связано со статусом словосложения как одного из ведущих способов образования новых слов в венгерском – агглютинативном – языке [Bencédy и др. 1991, 154–168]. Подобный способ словообразования, свойственный венгерскому языку, заключается в отсут-

ствии или незначительной роли морфологических показателей при сложении двух основ. Следует добавить, что как в отечественной, так и в венгерской грамматической науке принята традиционная классификация способов словосложения, в основе которой лежит синтаксический принцип образования сложных слов: 1) образования по типу сочинения компонентов; 2) образования по типу подчинения первого компонента второму; 3) образования, в основе которых лежит стяжение членов целого предложения; 4) сложносокращённые имена [см., например, Томпа 1970, 427–458].

Примечательно, что некоторые типы «неоформленных» атрибутивных словосочетаний типа: *gazdag ember* – *богатый* (букв. *богатый человек*) так же активно, как и сложные слова, используются в качестве эквивалентов при передаче русских субстантивированных существительных. Этому способствует трудноразличимость сложных слов и соответствующих им словосочетаний. Сравним подобную пару: *kisasszony* – *барышня* и *kis asszony* (букв. *маленькая барышня*), их различает лишь наличие большей идиоматичности и одного ударения у сложного слова. Заметим, что не только венгерский, но и другие финно-угорские языки отличаются многообразием структурных типов словосложения как древнейшего способа словообразования, который особенно широко представлен среди существительных и прилагательных. Изучение лингвистического аспекта сложных слов, в частности, в мордовских языках А. М. Гребнева считает «задачей, имеющей первостепенное значение для финно-угорских языков» [Гребнева 2016, 7–16].

Что касается главных различий между субстантивированными единицами сравниваемых языков, то субстантиваты русского языка сохраняют грамматические признаки исходной части речи, например, при субстантивации прилагательных – их словоизменительные свойства: *безработные, виновного, у знакомых, о происходящем*. В венгерском же языке субстантиваты приобретают грамматические признаки существительного: аффиксы категории числа, падежа и принадлежности: *(a) szent-e-k* – *святые*, *(a) tudós-unk* – *наш учёный*.

Субстантиваты как венгерского, так и русского языков обладают большим функционально-стилистическим потенциалом: они участвуют в создании образной системы художественных произведений, реализуют информативную функцию языка средств массовой информации, являются стилеобразующими элементами в деловом стиле.

В практической лексикографии венгерского языка ещё не оформились принципы подачи субстантиватов. Это объясняется главным образом теоретической неразработанностью проблемы, связанной с самой природой субстантивации, а также авторским лексикографическим подходом. Однако главной причиной такого состояния можно считать размытость границ между частями речи венгерского языка. Так, в венгерских толковых словарях представлены одинаковые по форме словарные единицы, которые принадлежат к различным частям речи и между которыми трудно провести грань: *terem* – *зал* (существительное), *terem* – *произрастать* (глагол); *magyar* – *венгр* (существительное), *magyar* – *венгерский* (прилагательное) и т. п.

Субстантивация как способ функционального сопоставления слов венгерского и русского языков

Для контрастного изучения большой интерес представляет не столько сопоставление в качестве единиц языка венгерских и русских существительных с общеграмматическим значением предметности, сколько рассмотрение слов, окказионально «опредмеченных», т. е. субстантивированных тем или иным способом. Именно анализ указанных единиц речи позволяет выявить различия и общность в их функционировании, понять специфику венгерского агглютинативного и русского флективного языков. В речи так или иначе «опредмеченное» слово вступает в сложные синтагматические связи с контекстом. Поэтому в данной статье рассматриваются и контекстуальные влияния на сопоставляемые значимости.

В венгерском языке имя существительное соотносится с действительностью речевого общения и превращается в элемент высказывания в первую очередь с помощью артикля. Послед-

ний выступает в роли актуализатора, за счёт которого слову сообщается определённая функция, раскрывается его реальное значение. При этом артиклем может сопровождаться любое слово, которое, не меняя своей формы, переходит в разряд существительных, пополняя его [Гуськова 2012, 54–55; Гак 2004, 196].

Субстантивация имён прилагательных. В венгерском языке по сравнению с русским имена существительные и прилагательные часто имеют одинаковую форму, поэтому разграничение таких слов часто вызывает большие затруднения. Теоретически в значении существительного может употребляться любое венгерское прилагательное (*jó* – *хороший, добрый, а jó* – *доброта; szép* – *красивый, а szép* – *красота; erős* – *сильный, az erős* – *силач; derék* – *славный, отличный, а derék* – *храбрец* и т. п.), особенно если в предложении оно выступает в функции подлежащего, например: *A bolond és a gyerek mondja meg az igazat* – *Устаму дурака и младенца глаголет истина. Sok kicsi sokra megy* – *Конейка рубль бережёт. Vak vezet világtalant* – *Слепой незрячему не поводырь.*

Заметим, что в большинстве случаев буквальный перевод пословиц, в которых отражаются национально-культурные особенности носителя данного языка и заложено своеобразное мироощущение венгров, невозможно осуществить. В подобных случаях предпочтительнее оказываются эквиваленты, передающие их общий смысл. Но нередко встречается употребление субстантивированных прилагательных и в функции других членов предложения, в первую очередь дополнения и обстоятельства: *szépeket mondani* – *говорить лестные вещи; jót akarni* – *хотеть добра; jóra fordulni* – *измениться к лучшему* и т. п. Много подобных словоупотреблений можно найти в венгерских пословицах: *Aki a kicsit nem becsüli, az a nagyot nem érdemli.* – *Кто малое не ценит, не заслуживает большого. Néha az utolsókból is lesznek az elsők.* – *Иногда и последние становятся первыми. Járt utat a járatanért el ne hagyj!* – *Проторенную дорогу не бросай ради нехоженой!*

Степень категориального перехода различных тематических групп прилагательных в венгерском языке различна. Наиболее интенсивна субстантивация слов, которые ряд грамматистов традиционно причисляет сразу к двум лексико-грамматическим разрядам (прилагательных и существительных). Это, прежде всего, этнонимы типа *orosz* – *русский*; названия лиц: *moszkvai* – *московский/москвич, kezes* – *ручной/поручитель*; слова, обозначающие свойство или качество: *óriás* – *огромный/великан, szegény* – *бедный/бедняк, öreg* – *старый/старик*; цвет: *fehér* – *белый/бельё, vörös* – *красный/красное*; материал: *arany* – *золотой/золото, kő* – *каменный/камень*; мера: *méter* – *метр/метр чего-л., tarék* – *горсть/горсть чего-л.*; продукты: *mézés* – *медовый/медовый пряник, paprikás* – *приправленный красным перцем/тушёное мясо, приправленное красным перцем* и т. п. [Tompa 1970, 221].

Речь идёт о прилагательных, не оформленных суффиксами частеречной принадлежности, имеющих одинаковую форму с именами существительными. В венгерском предложении они могут выполнять функцию любого его члена: *Okos enged, szatár szenved* – *Умный уступает, а глупый страдает. Minden rosszban van valami jó* – *В любом плохом есть что-то хорошее. Nem mind arany, ami fénylik* – *Не всё золото, что блестит. Két rossz közül válassz a kisebbiket* – *Из двух зол выбери меньшее.* В приведённых примерах словоформы *okos, rosszban, jó, arany, rossz* выступают в значении существительного.

Коммуникативно продуктивные типы субстантивации выделяются и в группе суффиксально оформленных прилагательных. Высока степень категориального перехода у прилагательных с суффиксом *-s* (*koldus* – *нищий, felelős* – *ответственный, boltos* – *продавец*): *Jó az okos a háznál* – *Хорошо иметь умного в доме.* Ниже эта степень у прилагательных на *-beli, -féle* (*helybeli* – *местный, kaktuszféle* – *кактусообразные, macskafélék* – *из породы кошачьих*): *A szóbeli 9-kor kezdődik* – *Устный экзамен начинается в 9 часов.* К непродуктивным относится также суффикс *-nemű*: *fehértű* – *бельё, ágynemű* – *постельное бельё.* Совсем не субстантивируются прилагательные на *-nyi, -szerű* и т. п. [Bencédy и др. 1991, 142–144].

С точки зрения семантики образуемые существительные подразделяются на следующие группы: 1) названия лиц по профессии (с суффиксом *-s*); 2) названия лиц, имеющих отношение к какому-либо месту (с суффиксом *-i*); 3) названия лиц, имеющих отношение к какому-либо месту, времени, действию (с суффиксом *-beli*); 4) названия животных (с суффиксом *-s*); 5) названия предметов и отвлечённых понятий (с суффиксами *-s*, *-féle*, *-i*). Сопоставим: *órás* – часовщик; *jövendőbeli* – суженый; *játékos* – игрок; *bükkös* – буковая роща; *lovás* – всадник, наездник; *fenyves* – ельник; *zálogos* – владелец ломбарда; *húsfélék* – мясные блюда; *moszkvai* – москвич; *tésztafélék* – мучные изделия; *földi* – земляк; *földalatti* – подземка; *falubeli* – односельчанин, житель деревни. Нетрудно заметить, что эквивалентами субстантивированных прилагательных в зависимости от источника субстантивации в русском языке могут выступать аналоги, слова других частей речи, свободные словосочетания

Субстантивация причастий. Причастия наряду с прилагательными составляют главный источник субстантивации в венгерском языке. Категориальный переход охватывает все их типы, что способствует широкому использованию субстантивированных причастий в любом стиле речи. В предложении они могут выполнять функцию любого его члена: *A tett az első, a szó a második* – Дело на первом месте, слово – на втором; *Egy újszülöttnek minden vicc új* – Новорожденному любая шутка в новинку; *A tolvait a tetten érték* – Вор попался с поличным.

По значению образуемые существительные можно подразделить на следующие группы:

1) названия лиц (с суффиксом *-ó/-ő*): *író* – писатель (букв. пишущий); *tanuló* – учащийся; *ápoló* – санитар (букв. ухаживающий); *sakkozó* – шахматист (букв. играющий в шахматы);

2) названия предметов и отвлечённых понятий (с суффиксами *-ó/-ő*, *-t/-tt*, *-andó/-endő*): *vasaló* – утюг (букв. гладящий); *teendő* – предстоящее дело; *fagylalt* – мороженое; *pörkölt* – жаркое (букв. поджаренный); *befőlt* – законсервированный компот (букв. сваренный);

3) названия мест действия (с суффиксом *-ó/-ő*): *temető* – кладбище (букв. хоронящий); *sütő* – духовка (букв. пекущий); *hűtő* – холодильник (букв. охлаждающий); *átjáró* – переход (букв. переходящий);

4) названия действий (с суффиксом *-ó/-ő*): *ébredtő* – утренний подъём (букв. будящий); *bemutató* – премьера (букв. показывающий); *esküvő* – свадьба, венчание (букв. приносящий клятву).

Активно субстантивируются и причастные словосложения, которые, исходя из семантики образуемых существительных, могут быть названиями лиц, действий, наименованиями конкретных предметов. В таких формах первый компонент, находящийся со вторым в отношении подчинения и обозначающий объект, не имеет окончания прямого дополнения. Иными словами, сложение двух основ в венгерском языке осуществляется без морфологических показателей: *adó-fizető* – налогоплательщик (букв. налог платящий); *hid-építő* – мостостроитель (букв. мост строящий); *lélek-melegítő* – телогрейка (букв. душа греющий); *lány-néző* – смотрюны (букв. девушка смотрящий); *gyertya-szentelő* (название церковного праздника, букв. свеча освящающий).

Выше уже упоминалось, что словосложение – один из главных способов словообразования в венгерском языке. Сопоставление с русским, в котором данный способ словообразования занимает менее значимое место, указывает на расхождения в этой области. По этой причине эквивалентами венгерских субстантивированных сложных причастий лишь в редких случаях выступают в русском языке аналоги, т. е. сложные слова. Как правило, соответствиями являются субстантивированные причастия, существительные в функции любого члена предложения, а также свободные словосочетания.

Субстантивация наречий. Среди наречий, способных переходить в разряд имён существительных, большую группу составляют слова, восходящие к застывшим падежным формам, типа *éjjel* – ночью/ночь, *nappal* – днём/день, *reggel* – утром/утро, а также сложные образования типа *délelőtt* – до полудня/первая половина дня, *délután* – после полудня/вторая половина дня, берущие начало от послеложных конструкций *dél előtt*, *dél után*. К этой группе примыкают собственно наречия *ma* – сегодня, *holnap* – завтра, *távol* – вдали/даль, *közel* – близи/близость чего-л., наречные образования, перешедшие в имена собственные типа *Dunántúl*,

Tiszántúl и т. д., двойная частеречная принадлежность которых признаётся многими языковедами [см., например, Тотра 1970, 453].

Прежде всего, приведём примеры употребления субстантивированных наречий, выполняющих в предложении функцию подлежащего: *Ez a délelőtt a tienk* – Эта первая половина дня – наша. *Eltelt az egész délután* – Прошло всё время после полудня. Подобное использование встречается главным образом в художественной литературе, в меньшей мере оно свойственно разговорной речи, в которой более употребительными оказываются формы с обстоятельственным значением в составе законченной фразы: *A távolban feltűntek a hegyek* – Вдали показались горы. *Távolról jött* – Он приехал издалека. *Budapest közelében laktunk* – Мы жили вблизи Будапешта. *Nem lehet a közelébe férkőzni* – К нему не подступиться. Подтверждением сказанного являются также многочисленные устойчивые словосочетания типа: *csak a mának élni* – жить сегодняшним днём; *net máról holnapra* – не вдруг, не сразу, не в один день; *mától fogva* – начиная с сегодняшнего дня; *a közvetlen közelben* – в непосредственной близости и т. п.

Поскольку категориальный переход наречий характерен и для русского языка, то часто эквивалентами венгерских субстантивированных наречий являются их аналоги, выполняющие в речи функцию подлежащего, обстоятельства, а также имена существительные. При переводе сложных наречных образований, составляющих значительную группу субстантивированных наречий, приходится прибегать к свободным словосочетаниям или фразеологическим оборотам.

Субстантивация глаголов. Случаи субстантивации глаголов в венгерском языке довольно многочисленны, несмотря на значительные различия в семантике и функционировании двух частей речи. Частотность инфинитивов, используемых контекстуально в значении имени существительного, ниже, чем личных форм глагола. Последние могут употребляться во всех трёх наклонениях, снабжаться словообразовательными формантами, образовывать сращения с наречиями, «слова-близнецы» и пр.: *a légyott* – свидание (букв. будь там); *a nefelejcs* – забывка (букв. не забудь); *a fogdmeg* – сыщик, охранник (букв. схвати); *az eszem-iszom* – обильное угощение (букв. ем-пью); *a szaladjide-szaladjoda* – человек на побегушках (букв. сбегай сюда-сбегай туда); *a teddide-teddoda* – человек на подхвате (букв. положи сюда-положи туда).

Приведённые примеры демонстрируют одновременно развитость системы личных окончаний венгерского глагола, которая находит своё отражение и в субстантивированных формах (ср. с глагольной парадигмой в русском языке, где указание на лицо частично отсутствует: *я сказал, ты сказал, он сказал*). Перевод на русский язык описываемого морфологического явления не вызывает каких-либо затруднений, так как за личными формами прочно закрепилось значение другой части речи. Обычно им соответствуют русские имена существительные: *Lesz majd nemulass!* – Будет тебе нагоняй! *Most aztán lesz neki haddelhadd!* – Ну и будет ему взбучка! Соответствиями же сложных глагольных образований, снабжённых помимо окончаний лица ещё и словообразовательными аффиксами, застывшими формантами наречного происхождения и т. д., являются, как правило, свободные словосочетания. В некоторых случаях они требуют описательного перевода, например: *a mitugrász* – человек, напускающий на себя важность (букв. Что ты прыгаешь), *hogyishivják* – как бишь его зовут, как его (зовут) [Тотра 1970, 456–457; Bencédy 1991, 163].

В особых комментариях нуждается перевод притяжательных конструкций, в составе которых обладаемое, оформленное глагольными и именными формантами, представляет собой некое соединение двух частей речи: *Mehet-né-k-e-m van* – Мне хочется уйти/Я так бы и ушёл куда-нибудь; *Nevet-het-né-k-je van* – Ему хочется смеяться. Широкий спектр значений, придаваемых глаголу потенциальным суффиксом *-hat/-het*, который выражает модальность, вызывает необходимость весьма тщательного подбора эквивалентов. Возникающие при переводе трудности усугубляются и тем, что в форме условно-желательного наклонения глагольные образования, снабжённые потенциальным формантом, имеют также значение ‘настоячивое предложение, пожелание чего-либо’. В русском языке нет аналогов соответствующим явлениям венгерского языка, поэтому переводить их рекомендуется описательно.

В современном венгерском языке субстантивированные глагольные формы широко применяются в составе устойчивых словосочетаний, в пословицах и поговорках: *Késő lesz a szánombánom.* – Жалеть будет поздно (букв. Поздно будет я жалею-сожалею). *Amilyen az adjonisten, olyan a fogadjisten* – Каков привет, таков ответ. При передаче на русский язык субстантивированных инфинитивов следует прибегать к помощи имён существительных, а также неопределённых форм глагола. В предложении субстантивированный инфинитив выполняет функцию подлежащего: *Hallgatni arany, beszélni ezüst* – Слово – серебро, молчание – золото (букв. Молчать – золото, говорить – серебро). *Tévedni az emberi dolog* – Ошибаться свойственно человеку. *Jobb félni, mint megjedni* – Лучше бояться, чем испугаться. *Igérni könnyű, megtartani nehéz* – Обещать легко, сдержать слово трудно.

Субстантивация числительных и междометий. Числительные в современном венгерском языке, как и глаголы, могут выступать в значении имени существительного. Прежде всего, это дробные числительные *negyed* – четверть, *tized* – десяток, *század* – столетие, век, *ezred* – тысячелетие, полк; неопределённые числительные *sok* – множество, *kevés* – малость; сложные числительные типа *egyszeregy* – таблица умножения и др. В качестве русских эквивалентов при переводе субстантивированных числительных используются главным образом имена существительные, прилагательные, наречия, а также атрибутивные словосочетания: *Jóból is megárt a sok* – Хорошего понемногу (букв. Много хорошего вредит). *Egy bolond százat csinál* – Один дурак порождает сотню. *Kettőn áll a vásár* – Сделка зависит от обеих сторон. Снабжённые личным окончанием (*-uk*) счётные слова, приобретающие значение множественности, но не получающие грамматических показателей её выражения, переходят в разряд существительных и в предложении, как правило, выполняют функцию подлежащего, согласуясь со сказуемым в форме единственного числа: *Hatuk elindult idejében* – Шестеро из них отправились вовремя. Статус существительных приобретают также счётные слова, оформленные суффиксом собирательности, при этом, выступая в предложении в качестве подлежащего, они сочетаются со сказуемым лишь в форме множественного числа: *Négyen voltunk* – Нас было четверо. *Hárman jöttünk* – Нас пришло трое.

В русском языке с аффиксально оформленными субстантивированными числительными соотносятся комбинированные по составу местоимения, одно из которых личное: *двое из них, трое из нас* и т. п. Необходимо отметить, что в венгерском языке немало фразеологических оборотов, устойчивых словосочетаний, в состав которых входит субстантивированное неопределённое числительное, выступающее в функции прямого и косвенного дополнений: *Ez már több a soknál* – Это уже слишком. *Sokra viszi még* – Он ещё далеко пойдёт. *Mindenből egy keveset* – Всего понемногу. Итак, субстантивированное неопределённое числительное имеет довольно широкую зону употребления и в зависимости от контекста – различные русские соответствия, хотя чаще всего эквивалентом является наречие.

Междометия в венгерском языке переходят в разряд существительных реже, чем числительные. Достаточно обратиться к художественным произведениям, в первую очередь, к поэтическим текстам, чтобы без труда установить этот факт. Часто в подобной роли выступает междометие *jaj* – ой, ай, хотя встречаются и другие слова. В разговорной венгерской речи функция субстантивированных междометий ограничивается, как правило, функцией грамматического подлежащего, что во многом облегчает задачу переводчика: *Jaj neked!* – Горе мне! (букв. Ой мне). *Jaj lesz neked!* Тебе попадёт! (букв. Будет тебе ой).

В венгерском языке как языке агглютинативного типа субстантивированные междометия легко присоединяют к основе множественные форманты, способные придать ей разнообразные значения, типа *jajjait* (букв. мои ой). Сюда можно отнести лично-притяжательные и падежные окончания, которые в совокупном употреблении значительно расширяют функциональные возможности слова. Поэтому при переводе на русский язык венгерских субстантивированных междометий, выполняющих в предложении различные функции, будут наблюдаться несоответствия в лексических и морфологических средствах. В русском языке преимущественно

с ними соотносятся имена существительные, выражающие эмоциональные состояния, свободные словосочетания с тем же предметным значением. Иногда же перевод осуществляется описательно. Необходимо также упомянуть о том, что сфера применения субстантивированных междометий в русском языке значительно сужена, ср.: *громкое ура, восторженное ах*. В предложении, как правило, они выступают в функции подлежащего.

ИСТОЧНИКИ

- Kugler K.* Új szavak, új jelentések az orosz nyelvben. Orosz-magyar szótár. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2017. 220 old.
- T. Litovkina A., Vargha K.* Éhes diák pakkal álmodik. Egyetemisták közmondás-elváltoztatásai. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2005. 94 old.
- T. Litovkina A., Vargha K.* Viccében él a nemzet. Magyar közmondás-paródiák. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2005. 102 old.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
- Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ы, 1955. 416 с.
- Гайнутдинова А. Ф.* Частеречная транспозиция (субстантивация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком // Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2011. 56 с.
- Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
- Гребнева А. М.* Целостный подход к исследованию словосложения номинантов мордовских языков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. Вып. 2. С. 7–16.
- Гуськова А. П.* Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 270 с.
- Кизюкевич А. А.* Безаффиксная транспозиция личных субстантиватов (на материале русского и польского языков) // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках: Материалы III респ. конф. (5–6 окт. 1989 г.). Гродно, 1990. 168 с.
- Кубрякова Е. С.* Деривация, транспозиция, конверсия // ВЯ, 1974. № 5. С. 64–76.
- Майтинская К. Е.* Венгерский язык. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 227 с.
- Салимова Д. А.* Части речи в разноструктурных языках: системно-функциональный подход на материале татарского и русского языков // Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Елабуга, 2001. 31 с.
- Телегин Л. А.* Безаффиксальная транспозиция и её влияние на процессы деривации в современном английском языке // Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Самарканд, 1992. 19 с.
- Цыганкин Д. В.* О словах с транспозиционными словообразовательными значениями // Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. статей. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 244 с.
- Bencédy J. – Fábrián P. – Rácz E. – Velcsöv Mártonné.* A mai magyar nyelv. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1991. 551 old.
- H. Varga Gyula.* Bevezetés a magyar nyelv morfológiájába. Banská Bystrica, 1999. 110 old.
- Keszler B.* (szerk.). Magyar Grammatika. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2000. 750 old.
- Kiefer F.* (főszerk.). Magyar nyelv. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006. 1112 old.
- Tompa J.* (szerk.). A mai magyar nyelv rendszere. Leiró nyelvtan. Budapest: Akadémiai kiadó, 1970. I. 509 old.

Поступила в редакцию 25.02.2021

Гуськова Антонина Петровна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1,
e-mail: guskova_ant@mail.ru

A. P. Guskova

**TO THE QUESTION OF SUBSTANTIVISATION IN THE HUNGARIAN LANGUAGE
IN COMPARISON WITH RUSSIAN**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-202-213

Recently transposition became the issue of many research papers for being a complicated and sophisticated language phenomenon, and its definition has been broadened. The issue of transposition and the degrees of verb transitivity are the most controversial and difficult ones both in Hungarian and Russian linguistics. This issue may be investigated on different language levels: lexical, syntactic, morphological and on the level of word formation. Taking into account the mobility of parts of speech boundaries in the compared languages we attempt to find the cause of words transitioning from one lexico-grammatical class into another, investigate transposition as a natural phenomenon both for the Hungarian and Russian languages, differentiate transition in parts of the speech system from other language phenomena, solve some contentious issues regarding parts of speech, for example 'noun-adjective' relations, and others.

Despite having extensive literature concerning nominalization in Russian linguistics and some works in Hungarian linguistics, some aspects are not comprehensively covered in them. For example, different types of transitions from other parts of speech into nouns, thorough semantic and thematic categorization of substantivized words, characteristics of their functioning in texts of different functional styles, principles of creating lexicography, etc.

In this article we compare the process of substantivation amidst the system of parts of speech in languages of such different structure as Hungarian and Russian. Comprehensive and comparative study of the process of transition of other parts of speech into nouns allows us to conduct a deeper investigation of each of these languages' structure and also to reveal typological similarities and differences between them. These languages have not been explored this way so it provides scientific novelty to the research. For the first time we define the main conditions of a systematic process of transposition in Hungarian and Russian and reveal both specific and universal opportunities for transition in the compared languages. We use comparative analysis for researching semantic models of substantivized words, distinguish different types of transitions into nouns and describe structural and stylistic features. Thus, the topic of the research is the grammatical, semantic, structural and stylistic features of substantivized words in Hungarian and Russian. The objective of the study is to discover linguistic nature of substantivation of adjectives, verbs and verbal formations, numerals and pronouns, to find out specific and universal features caused by typological differences of the researched languages. To achieve this goal we need to solve the following problems: determining the place of substantivation in the system of word formation in Hungarian and Russian, discovering how much substantivation and conversion being productive ways of word formation are identical in Russian and Hungarian, distinguishing semantic models of substantivized words and compare them, comparing models of usual and occasional substantivation and determine its productivity, studying their structure which means showing peculiarities of substantivized words' grammatical structure in Hungarian and Russian, discovering similarities and differences between them and finding adequate models. The research is based on data of dictionaries of Russian and Hungarian languages, examples of fictional texts, live speech and not the least on the idioms.

Theoretical importance lies in the following: 1) the research develops the theory of transitivity as we study transposition in two languages of different structures using comparative analysis of substantivized words and taking into account grammatical, semantic and functional aspects; 2) using the materials of two languages of different structures we discover the main conditions of systematic transposition and distinguish its universal and specific features; 3) for the first time the problem of transposition is studied on the basis of Russian and Hungarian from a theoretical point of view (on the example of transition of other parts of speech into nouns); 4) we develop the methodology of a comprehensive approach to study substantivation in Hungarian and Russian which can be used when describing this phenomenon in other languages of different structures.

Keywords: conversion, morphological transposition, languages of different structures, semantic model, syntactic transposition, substantivized word, substantivation, parts of speech.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 2, pp. 202–213. In Russian.

REFERENCES

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terminology]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1969. 608 p. In Russian.

Babaytseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of Transitivity in the Grammatical Structure of Russian and Methodology of Its Studying]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 640 p. In Russian.

Bally Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Problems of the French Language]. Moscow, Foreign literature Publ., 1955. 416 p. In Russian.

Gainutdinova A. F. *Chasterechnaya transpozitsiya (substantivatsiya) v tatarskom yazyke v sopostavlenii s russkim yazykom*: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Morphological Transposition (Substantivation) in Tatar in comparison with Russian: Abstract of Thesis of Doctor of Philology]. Kazan, 2011. 56 p. In Russian.

Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the French Language]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2004. 862 p. In Russian.

Grebneva A. M. *Tselostnyi podkhod k issledovaniyu slovoslozheniya nominantov mordovskikh yazykov* [A Holistic Approach to the Research of Nominee Compounding in the Mordvinian Languages]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016. Vol. 10. Issue 2. Pp. 7–16. In Russian.

Guskova A. P. *Sopostavitel'naya grammatika vengerskogo i russkogo yazykov* [Comparative Grammar of Hungarian and Russian]. Moscow, Moscow university Publ., 2012. 270 p. In Russian.

Kizyukevich A. A. *Bezaffiksnaya transpozitsiya lichnykh substantivator (na materiale russkogo i pol'skogo yazykov)* [Non-affix Transposition of Personal Substantivized Words (Based on the Russian and Polish Languages)]. *Voprosy slovoobrazovaniya i nominativnoi derivatsii v slavyanskikh yazykakh: Materialy III resp. konf.* [Problems of Word Formation and Nominative Derivation in Slavic Languages]. Grodno, 1990. 168 p. In Russian.

Kubryakova E. S. *Derivatsiya, transpozitsiya, konversiya* [Derivation, Transposition, Conversion]. *Topics in the study of language*, 1974. No 5. Pp. 64–76. In Russian.

Maytinskaya K. E. *Vengerskii yazyk. II.* [The Hungarian Language. Vol. II]. Moscow, Academy of Sciences Publ., 1959. 227 p. In Russian.

Salimova D. A. *Chasti rechi v raznostrukturnykh yazykakh: sistemno-funktsional'nyi podkhod na materiale tatarskogo i russkogo yazykov*: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Parts of Speech in Languages of Different Structure: Functional Systemic Approach Based on Tatar and Russian: Abstract of Thesis of Doctor of Philology]. Elabuga, 2001. 31 p. In Russian.

Telegin L. A. *Bezaffiksal'naya transpozitsiya i ee vliyanie na protsessy derivatsii v sovremennom angliiskom yazyke*: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Non-affix Transposition and Its Influence on Derivation in the Modern English Language: Abstract of Thesis of Doctor of Philology]. Samarkand, 1992. 19 p. In Russian.

Tsygankin D. V. *O slovakh s transpozitsionnymi slovoobrazovatel'nymi znacheniyami* [On Words with Transposition Word-forming Meanings]. *Mordovskie yazyki glazami lingvista-finno-ugroveda: sb-k statei* [Mordvinic Languages through Eyes of Finno-Ugric Scholar. Collection of Scientific Works]. Saransk, 2013. 244 p. In Russian.

Bencédy J. – Fábíán P. – Rácz E. – Velcsov Mártonné. *A mai magyar nyelv* [The modern Hungarian Language]. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1991. 551 p. In Hungarian.

H. Varga Gy. *Bevezetés a magyar nyelv morfológiájába* [Introduction into Hungarian Morphology]. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 1999. 110 p. In Hungarian.

Keszler B. (editor). *Magyar Grammatika* [Hungarian Grammar]. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2000. 750 p. In Hungarian.

Kiefer F. (editor-in-chief). *Magyar nyelv* [The Hungarian Language]. Budapest: Akadémiai kiadó, 2006. 1112 p. In Hungarian.

Tompa J. (editor). *A mai magyar nyelv rendszere. Leiró nyelvtan* [Modern System of the Hungarian Language. Descriptive Grammar]. Budapest: Akadémiai kiadó, 1970. I. 509 p. In Hungarian.

Received 25.02.2021

Guskova Antonina Petrovna,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
e-mail: guskova_ant@mail.ru

Л. М. Ившин

**ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
РЕЛИГИОЗНО-ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКО-УДМУРТСКИХ СЛОВАРЕЙ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА**

В статье рассматривается лексика религиозно-христианского содержания в рукописных русско-удмуртских словарях первого удмуртского писателя и выдающегося ученого, просветителя и миссионера, священнослужителя Г. Е. Верещагина. Точных сведений о времени создания рукописей не имеется. Одна из них предположительно составлена в к. XIX – нач. XX в., до принятия реформы русской орфографии 1918 г., поскольку в самом начале словаря в конце лексем, имеющих твердый конечный согласный, непоследовательно встречается буква ь («ер»).

Работа над другой рукописью велась в период после принятия реформы русской орфографии, когда из русского алфавита были исключены буквы кириллицы ъ, ҃ и ь. Автор рукописей, подбирая к словам религиозного содержания соответствующие исконные удмуртские эквиваленты или заимствования (в основном через посредство русского языка), поступил следующим образом: 1) использовал удмуртские слова, возникшие в недрах язычества, которые ко времени составления рукописей приобрели вполне христианский смысл (Кылдысин төре ‘Архангел’); 2) приспособил понятия, имевшие иное, бытовое значение (визь сынаны, гавылдыны, алданы ‘искушать’); 3) термины без прямых соответствий на удмуртском языке зачастую перевел сочетанием слов или толкованием (умойтэм Инмар вылэ верась ‘богохульник’); 4) заимствовал из русского или другого языков (Архіерей, Аркерей ‘Епископ’).

Исследование лексико-семантических особенностей письменных памятников в контексте обновления национального корпуса удмуртского языка и наполнения его не только абсолютно новыми, но и в некоторой степени забытыми и актуализированными в настоящее время элементами является очень важной лингвистической задачей. Языковая актуализация в данном случае религиозной лексики способствует возвращению в речевой актив и реестры новейших словарей значительного количества номинаций, обозначающих понятия и явления духовно-религиозной сферы.

Ключевые слова: удмуртский язык, письменный памятник, орфография, религиозная лексика, христианская лексика, рукопись, русско-удмуртский словарь, Г. Е. Верещагин.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-214-221

Становление и развитие религиозно-христианской лексики удмуртского языка напрямую связано с присоединением Казанского ханства к России. Формальной датой начала христианизации удмуртов можно считать 1557 г., когда 17 удмуртских семей Сырьянско-Никольского села «били челом» русскому царю о своем желании креститься [Атаманов-Эграпи 2010, 263–264]. Тем не менее, массовое крещение удмуртов начинается только с середины XVIII в., когда в Казани в 1740 г. была открыта Новокрещенская контора. Предпринимается целая систе-

ма мер по христианизации удмуртов-язычников: строятся первые православные храмы, открываются школы для изучения азов церковной грамотности, направляются в удмуртские деревни миссионеры и т. д. И это в конечном итоге привело к росту численности принявших новую веру. Уже «в 1744 г. новокрещенных удмуртов было 15 348 душ» [Владыкин 1994, 204]. Однако принять крещение – это одно дело, другое – постичь суть христианского вероучения. Народ, в большинстве своем не знающий языка Библии и богослужебной литературы, не в состоянии был постичь Слово Божие. И не случайно миссионеры, прежде чем идти проповедовать христианские истины, изучали языки тех народов, среди которых собирались служить.

Даже первая грамматика «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» [Сочинения 1775] создавалась, в первую очередь, для просвещения новокрещенных удмуртов. В ее материалах мы можем уже найти некоторые слова, относящиеся к христианской лексике: *Инмарь* ‘бог’, *Имаинберь* ‘ангелъ’, *Визь* ‘пость’, *венцяськò* ‘вѣнчаю’, *алдаськò* ‘искушаю’, *селькъ карыськò* ‘грѣшу’ и др. [Сочинения 1775, 13, 15, 97, 98, 107]. В неопубликованных рукописных памятниках письменности удмуртского языка подобные слова были зафиксированы как до публикации вышеназванной грамматики, так и после выхода «Сочинений принадлежащих къ грамматикѣ вотскаго языка». В дневниковых записях Д. Г. Мессершмидта [Messerschmidt 1962–1977], датированных 1726 г., встречается следующее выражение: *Ingmarlu wysháischkinu kúla* ‘мы должны богу молиться’ [Напольских 2001, 77]. В удмуртско-русском словаре З. Кротова, составленном в 1785 г., зафиксированы лексемы, имеющие отношение к христианской тематике: *быдзімъ* или *бадзімъ* *восясь* ‘Архіерей’, *виззе оскалтыско* ‘искушаю’, *визяскò* ‘говѣю’, *восяськель муртъ* ‘набожный’, *восясь* ‘жрецъ, попъ’, *дзець зымъ возионъ* ‘кадильница’, *церкъ* ‘церковь’ и др. [Кротовъ 1785, 18, 24, 25, 31, 32, 50, 249].

В XIX в. процесс христианизации продолжился [Ившин 2019, 216–219]; с самого начала столетия велась кропотливая работа по переводу Евангелий и Азбук на удмуртский язык [Еванг. Гл. 1847, Еванг. Сар. 1847; Азбука Гл. 1847, Азбука Сар. 1847]. Именно при создании этих первых удмуртских книг с пространными текстами миссионеры и просветители (а также редакторы и издатели) проделали огромную работу по поиску и использованию лексических (в том числе христианско-религиозных понятий), морфологических и синтаксических эквивалентов в удмуртском языке для адекватной передачи русскоязычного материала. При переводе сложнейшего религиозного текста составители/редакторы/переводчики, подбирая соответствующие исконные удмуртские эквиваленты (если таковые имелись) или заимствования (в основном через посредство русского языка) к словам, предприняли следующие шаги (на примере перевода краткого катехизиса, включенного в первую удмуртскую азбуку на глазовском наречии):

1) использовали удмуртские слова, возникшие в недрах язычества, а ко времени составления Азбуки приобретшие вполне христианский или соответствующий религиозному тексту смысл, например: *Душа* – *Луль*: *Мугорьзэ адямилэнъ Инмарь лэсьтызь музьемьлэсь, пельтызь-но сонязь кулонтэмъ лульзэ*. ‘Тѣло чловѣка Богъ создалъ изъ земли, и вдунулъ въ него душу безсмертную’ [Азбука Гл. 1847, 18];

2) переводчики приспособляли слова, имевшие несколько иное, бытовое значение: *Благоволение* – *Мылыкыдъ*: *Инмарь, тодыса сюлэмзэсь, возматызь соку Авельлы Аслестызь мылыкыдъзэ, Каинлы ношъ эзъвдматы*. ‘Богъ, зная сердца, показаль при семъ Авелю знаменіе Своего благоволенія, а Каину нѣтъ’ [Азбука Гл. 1847, 26];

3) термины без прямых соответствий в удмуртском языке зачастую передавали сочетанием слов или толкованием: *Блаженство* – *Шудо буро улэмъ*: *Адымлы кулээзь ұжъ соку валь яратыны тодыны-но Инмарьзэ; соинъ-но укатъ вылэмъ валь шудò бурò улэмъзы соослэнъ*. ‘Должность чловѣка была познавать и любить Бога; и въ семъ наипаче состояло его блаженство’ [Азбука Гл. 1847, 21];